

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

25 июля 2014

Макс Неттлау

**Против утопий
«переходного периода»
Анархический прогресс путем
непрерывной эволюции**

Макс Неттлау

Против утопий «переходного периода»

Анархический прогресс путем непрерывной эволюции

1933

Сохранено 19 июля 2014 года из <http://spb-anarchists.anho.org/nettlau02-10.htm>

1933

Иногда случается, что тот или другой анархист, совершенно искренно отчаиваясь в быстром осуществлении анархизма, превращается в сторонника идеи «переходного периода». Он не видит, что полный, искалеченный социализм и без того окружает нас со всех сторон. Чем иным является диктаторский коммунизм, политическая социал-демократия, реформизм, лейборизм и разнообразные другие виды несвободной организации? Чем иным являются они, если не социалистическими достижениями, без надежд впереди, отвергшими свободу, как ненужную роскошь, и тянущимися к государству, к вождям? Здесь искусственные рамки заменяют волю, инициативу, разумное согласование усилий, стремлений и способностей. Эти организации не обладают такими качествами, ибо им не хватает энергии, чтобы воспитать и упражнять их. Такой анархист не видит, что за этими недостатками и несовершенствами идеала открываются новые перспективы и встают новые люди. Видя, какое болото создали коммунисты и социал-демократы, эти люди верят, что все дело можно поправить силами высшей, всепроникающей власти, силами суровой государственности, которая каждого поставит на свое место и будет держать его на посту железными цепями. Идеал средневековой христианской церкви ныне стал реальностью в управляемых фашистами странах. Разве этого недостаточно, разве мы не стонем повсюду, где разлагается общественная жизнь, где воцаряется звериное начало? Эволюция идет вспять повсюду, где люди действуют под влиянием факта отступления от цельного социализма и сдачи им позиций, внешне практичной, близкой и осуществимой «постепеновщине,» системе «выплаты в рассрочку.»

Система «рассрочки» не оправдала себя в деловом мире, она создала иллюзии, которые неизбежно должны были рухнуть

в один прекрасный день. Такой же вред эта система причинила социализму. Истинные социалисты, обладающие стойкостью, являются в настоящее время очень редкими птицами, тогда как десятки миллионов социалистических избирателей, привлеченных тем или иным пунктом социалистической избирательной платформы, являются неустойчивыми и туманными нереальностями, подобными дыму.

После этого, введение идеи «переходного периода» в анархизм являлось бы, со стороны тех, кто выражает подобные мнения, отречением от высокого идеала цельного социализма. Такое отречение является личным несчастьем для тех, кто в нем повинен, временным или хроническим уменьшением их силы, как это бывает во время болезни, ослабляющей людей и отнимающей у них способности. Но разве мы видим тех, кого поражает болезнь, проповедующими, что их болезненное состояние является достижением, что оно есть настоящий путь, на который должны добровольно стать все? Нет, этого мы не видим. А между тем, именно к этому сводится защита идеи «переходного периода» некоторыми из ее жертв.

Психологически поведение таких людей объясняется значительным различием и дистанцией между подлинной жизнью и той упрощенной формой, которую получают надежды и чаяния людей в руках приверженцев окаменевшей догмы. Даже такая полная надежды идея, как идея свободного развития и дружественного, солидарного сожительства разумных людей, свободных от бремени и цепей мрачного и жестокого прошлого, не всегда понимается, как просвет в новую и лучшую жизнь. Правильно понимая эту идею, мы можем содействовать ее осуществлению нашим собственным поведением, направляемым этой великой целью. Однако чаще бывает так, что эта мысль понимается, как готовая система, которая

не должен диктовать будущему, чтобы оно подготовило грядущее господство над жизнью человечества. Кто желает этого и трудится для этого, всегда может создать лучшие условия для распространения анархических идей и для ускорения первых анархических осуществлений. Этим много сказано и это дает много надежд. Кто советует ослабить такую деятельность, руководясь мыслью о «переходных периодах», тот отнимает жизненные силы у нашей борьбы и тем вредит самому себе: однажды сделав шаг назад, он отрывается от всего передового и, вольно или невольно, будет отброшен назад, еще и еще дальше, пока не попадет в авторитарный лагерь. Надо побудить таких людей наново продумать этот вопрос и сделать выбор между прогрессом и регрессом.

может и должна убедить всех после социального переворота. А так как универсальность такого приятия анархизма кажется неправдоподобной, то анархизм отсрочивается и придумывается «переходный период». Эти догматически мыслящие люди ждут, что такого рода переходная система будет принята из их рук всеми. Разумеется, может найтись много людей из числа тех, которые придумывают эти системы в настоящее время, или из числа тех, которые каким-нибудь способом дорвутся до власти и смогут распоряжаться делами, — какие люди смогут создать, а в некоторых случаях даже на время укрепить множество разнообразных, искусственных и воображаемых общественных построек.

Такие действия являются в высокой степени авторитарными, эгоцентричными и лишенными всяких гарантий, ибо при таком порядке один или несколько человек претендуют на точное знание того, каким ритмом должен развиваться прогресс, где именно люди должны останавливаться, чтобы отдохнуть в «переходном периоде.» Здесь будет не только множество таких предложений и навязанных схем, но и, кроме того, эти схемы будут следовать одна за другой. Ибо, если возможна одна остановка в качестве «переходного периода», то почему бы не быть и нескольким таким остановкам? Короче говоря, все это является ничем иным, как игрой в правительство, управлением сверху, насильственным навязыванием, которое не приведет ни к чему. Доказательством тому служит извращение всей социальной жизни в России, Италии, Германии. К анархизму такой ход вещей не приведет.

Я, однако, обращаю внимание читателя на то, что уже в 1910 году Малатеста написал о чаяниях анархистов, о том, чего они, по здравому рассуждению, не могут ожидать, и о том, на что они имеют основание рассчитывать, и что, следовательно, они

должны поддерживать всеми средствами. Сошлюсь на его статью «На пути к анархии», опубликованную 25 июня 1910 года в «Le Reveil,» в Женеве (Швейцария).

«Довольно широким распространением пользуется та мысль, — писал он, — будто мы, называющие себя революционерами, полагаем, что анархия должна придти сразу, как непосредственный результат восстания, которое насильственно ниспровергнет все существующее и заменит его новыми учреждениями. И, говоря откровенно, нет недостатка в товарищах, которые таким образом представляют себе революцию.

«Это предубеждение объясняет, почему столь многие добросовестные противники считают анархизм невозможным. Это объясняет также, почему некоторые товарищи, видя, что при нынешнем уровне морального развития народа анархия не может придти быстро, колеблются между догматизмом, который ставит их вне действительной жизни, и оппортунизмом, который заставляет их забывать на деле, что они анархисты и должны стремиться к анархии. . . .»

Не является ли этот оппортунизм как раз тем, что делают сторонники «переходного периода» и что они советуют делать другим? Малатеста продолжает:

«Нет сомнения, что победа анархии не может быть результатом чуда и не может произойти в противоречии со всеобщим и непреложным законом эволюции, а именно, что ничто не случается без достаточной причины и что ничто не может быть сделано, если нет достаточной для этого силы.

«Если бы мы хотели заместить одно правительство другим, т.е. навязать нашу волю другим людям, тогда было бы достаточно собрать воедино материальную силу, необходимую для свержения нынешних угнетателей, и занять их место.

«Но вместо этого мы стремимся к анархии, т.е. к обществу, ос-

Власть и свобода являются лишь другими выражениями для понятий неподвижности и движения, смерти и жизни. Человек не может удержать вечно развивающуюся жизнь, он может лишь дать некоторые подобия ее в форме мысли, абстракции, слов. Он обычно стремился навязать такие абстракции жизни, подчинить себе жизнь, регулировать, анализировать ее, управлять ею. Это — власть схем над действительностью. Она причинила много вреда в ходе до-исторического периода и истории. Так создан был миф о богах, так человека обращают в раба и до сего дня. Позднее, другие абстракции стали господствовать над людьми; власть, послушание, дисциплина, государственные соображения являются именно такими абстракциями и наиболее жестокими орудиями тиранов, самыми верными выражениями их взглядов и злом для людей. Свободная мысль, наука, свободная общественная жизнь стремятся свергнуть власть этих отвлеченных идей над людьми, но их авторитарные противники снова выковывают эти цепи в наши дни, с более враждебными намерениями, чем когда бы то ни было.

В течение некоторого времени существовало, по крайней мере, четкое разграничение между авторитарными и либертарными идеями, внутренне непримиримыми. Такие уклоны, как «переходный период», являются попытками соединить их воедино. Против этих попыток либертеры должны решительно возражать и вести борьбу с попытками, исходящими из авторитарного лагеря. Жизнь, испытывающая влияние столь многих неисчислимых факторов, редко выполняет наши желания полностью. Если мы сами будем ослаблять и принижать наши чаяния, то от них немного останется. Мы не возражаем против каких-либо видов деятельности современного синдикализма и желаем им полного успеха, но никто, даже синдикалисты,

их понимания, и такие коммуны будут развиваться, распространяться и совершенствоваться путем сравнения и опыта. «Переходный период» должен был бы отличаться необычайной приспособляемостью, чтобы соответствовать требованиям в подобных условиях. А между тем, природа заранее придуманных схем такова, что они всегда оказываются весьма однородными и единообразными, всегда, поэтому, требуют центральных органов и управления сверху. Перед лицом этих фактов Гриффюль, наиболее опытный и революционно настроенный секретарь Французской Генеральной Конфедерации Труда, социалист бланкистского толка, писал в 1909 г., что совершенно иллюзорными являются попытки предвидеть новые положения, создающиеся в ходе общественного развития, и пытаться применять к ним заранее придуманные схемы, вроде тех, о которых упомянуто выше. Кто, например, из числа наиболее передовых мыслителей Франции, людей вроде Дидро, Вольтера и Руссо, мог бы до 1789 года предсказать, какое направление примет Французская Революция? В самом деле, в 1789 или 1790 кто мог предсказать, что народные герои этих годов будут посылать друг друга на эшафот в 1793 и 1794 г.г.? В эти годы расцвета республиканского движения кто мог предвидеть, что через 12 лет во Франции будет создана Директория, появятся консулы и император? Кто в 1906 году, когда Генеральная Конфедерация Труда бросала вызов всей Франции, мог предвидеть, что несколько лет спустя и до сего дня она будет одной из самых тусклых реформистских организаций? Кто предвидел, что русская революция примет такое направление? — Поэтому пытаться рисовать план «переходных периодов» социальной эволюции это все равно, что рыть маленький канал в песке и ожидать, что океан изменит свои течения и потечет по этому маленькому каналу.

нованному на свободном и добровольном соглашении, в котором никто не может навязывать свою волю другим и все могут поступать так, как им нравится и добровольно содействовать общему благу. Следовательно, анархия не может быть осуществлена окончательно и повсеместно, если все люди не перестанут желать, чтобы ими управляли другие, или чтобы они сами управляли другими, пока люди не поймут выгоды солидарности и не научатся уменью творить общественную жизнь без тени насилия и принуждения.

«И так как сознание, воля и способности постепенно развиваются и находят возможность и способы развития в постепенном изменении окружающей среды, то отсюда следует, что анархия может осуществиться лишь постепенно, понемногу возрастая в силе и широте охвата.

«Таким образом цель состоит не в том, чтобы осуществить анархию сегодня или завтра, или через тысячу лет, а в том, чтобы идти к анархии сегодня, завтра, всегда. . .»

Никогда не лишне прислушиваться к Малатесте. Он не может более говорить, но я приведу несколько выдержек из его статьи «Постепенность», опубликованной 15 лет спустя в его журнале «Мысль и Воля» (Рим) от 1 октября 1925 года, — статья, которая перепечатана множеством анархических газет и переведена на другие языки:

«. . . Анархизм может быть понят, как безусловное совершенство, и хорошо, если такое понимание всегда будет налицо в нашей мысли в качестве идеала и светоча, направляющего наши шаги. Но очевидно, что этот идеал не может быть достигнут одним прыжком, путем внезапного перехода от современного ада к чаемому раю.

«Авторитарные партии. . . могут поддерживать надежду (разумеется, тщетную надежду), что, захватив власть, они

смогут подчинить всех и навсегда своей воле, силою законов, декретов . . . и жандармов . . .»

Это невозможно для анархистов, объясняет Малатеста, как сказано в приведенной уже выдержке, но вместе с тем это не означает, — прибавляет он, — что мы должны ждать, пока все станут анархистами.

« . . . Наоборот, я верю, — и вот почему я революционер, — что лишь небольшое меньшинство, при особенно благоприятных условиях, сможет подняться до понимания анархии и что было бы химеричным надеяться на всеобщее обращение в анархизм, если та среда, в которой процветают власть и привилегия, не будет изменена. Именно по этой причине я считаю необходимым, чтобы как можно раньше, — т.е. как только будет завоевана достаточная свобода и как только анархисты окажутся достаточно многочисленными и будут обладать достаточными способностями для осуществления их идей и повсеместного распространения своего влияния, — мы организовались бы сами для применения анархии или той доли анархии, которая постепенно станет возможной.

«Ибо все не могут быть обращены одним ударом, и мы не можем жить изолированными; в силу жизненной необходимости и в интересах пропаганды мы должны стараться найти путь к осуществлению наибольшей возможной доли анархии среди людей, которые не являются анархистами или которые являются таковыми в различной степени . . .»

В этой и других статьях Малатеста, как всегда, подчеркивает неотложную необходимость создания условий социальной, интеллектуальной и этической жизни, которые были бы благоприятны для подлинной, ударной и успешной анархической пропаганды. Он видел и указывал, что современная повседневная жизнь и жестокая борьба за существование, унижающая и раз-

это сделать из сказанного вывод, что надо содействовать созданию синдикального режима, который мы теперь именуем «синдикальным государством», т.е. искусственного создания устойчивости. Анархизм всегда будет означать подвижность, развитие, биение жизни, а синдикальный режим захочет быть постоянным, могущественным, окончательным, совершенно так, как и всякий другой режим. Я знаю, что именно это и есть «переходный режим», придуманный некоторыми, и что изобретатели иногда основываются на глубоких и широких симпатиях Бакунина и Кропоткина ко всем видам организованного труда и ко всякому солидарному действию рабочих. Ссылками на Бакунина и Кропоткина пытаются доказать, что они были бы сторонниками такого «синдикального государства». Оба теоретика одобряли всегда рабочих, когда они выходили из своей изолированности и организовывали британские тред-юнионы, Интернационал, французскую Генеральную Конфедерацию Труда, Испанскую Федерацию Рабочих, большие кооперативные федерации и т.д. Но они не больше стремились к громоздкой и устойчивой экономической организации, чем к «народному государству» германских социал-демократов. Они стремились уничтожить современные государства. Как же могли бы они, в качестве анархистов, желать создания новых, промежуточных, «переходных» государств? Нет, они этого не желали, и ошибочно было бы пытаться создавать впечатление, что у них такое стремление когда-либо было.

Возможно, что когда анархизм будет действительно осуществлен путем массового действия, то первые свободные коммуны будут отличаться от всего, что было написано и сказано в течение столетия изучения и пропаганды. Возможно, что они будут несовершенны и примитивны, но они будут созданы людьми на местах для их собственных надобностей, в меру

нодушными и очень часто, как это показывают фашистские движения, оказываются пропитанными бешеной враждебностью к нам. В таких условиях ожидать, что мы привлечем к себе десятки миллионов пропагандой, означает тешить себя иллюзиями и топтаться на одном месте из года в год, от поколения к поколению. А ждать, что социальный переворот путем крушения капитализма или прямой социальной революции даст маленькому анархическому меньшинству физическое влияние или моральный вес в глазах сотен властнически настроенных и властнически предубежденных миллионов — чистая химера. И надеяться, что все эти властники самопроизвольно пожелают осуществить анархизм, как мы его понимаем, также является химерой.

Никакое усилие воли с нашей стороны не устраним существующих различий и не сократит существующих дистанций. Но все мы можем содействовать созданию условий, которые позволят народу развиваться быстрее нравственно, и только это начнет и ускорит выравнивание различий и сократит дистанцию. Вот что разумел Малатеста под «движением к анархизму». Мы не можем силой загнать людей в анархизм, ибо это угашает самую идею анархизма — свободу, добровольность. Мы не можем убедить людей оптом. По крайней мере, до сих пор массы не приходили миллионами, чтобы слушать нас. Но мы можем и должны всегда содействовать созданию все более свободных и лучших условий, которые могли бы увеличить способность широких масс прислушиваться к голосам подлинной свободы.

Это улучшение условий может быть ускорено путем организации труда и повседневной работой организованного труда над защитой своих позиций для завоевания лучших позиций повсюду, где это возможно. Чего не хотят анархисты, —

лагающая нужда, авторитарная практика управления сверху, пропитывание повседневной жизни авторитарным началом, не дают возможности большому числу людей стать анархистами. Это подтверждается нашим собственным опытом. Путем самонаблюдения и наблюдения над нашими товарищами мы приходим к выводу, что в большинстве случаев особые и благоприятные условия и случайности превращают нас в анархистов, тогда как очень многие, живущие бок о бок с нами, подвергаются влияниям, которые делают из них властников, или безразличных людей, или, наконец, очень, очень умеренных либералов и т.д.

Отсюда возникло убеждение Малатесты, что наиболее существенным делом является содействие всеобщему прогрессу и ускорение его путем устранения искусственных, злонамеренно создаваемых и уже ослабевающих препятствий, — таких, например, как власть во всех ее видах, как угнетающая эксплуатация, сделавшая народ неспособным поднять голову над повседневной рутинной и нищетой из-за умственного и физического истощения. Этот взгляд сделал Малатесту другом и участником всех революционных движений прогрессивного типа, больших и малых, и другом всякой реформы, — не в качестве сторонника тактики завоевания реформ, а просто в силу того, что реформы означают большее или меньшее увеличение энергии, могущей быть использованной для дальнейшей борьбы.

В таких лучших условиях пропаганда могла бы развиваться и углубляться, и тогда анархисты стали бы более многочисленными и могли бы оказать помощь в направлении дальнейших шагов вперед. Это сделало бы их «посте пенно» (Малатеста не стыдился этого слова) социальным фактором, достаточно сильным для того, чтобы настаивать на праве вести образ жиз-

ни по собственному выбору, — не в качестве изолированной коммуны, но в качестве части общества, располагающей соответственной долей общественных средств производства и прочим социальным достоянием, и с помощью пропаганды и примера постепенно расширяющих сферу своего влияния до тех пор, пока они не займут места, — как мы надеемся, — соседних социальных групп в качестве наиболее совершенной и наиболее привлекательной общественной организации. Разумеется, в этой области возможны будут не один, а много методов либертарного сожителства, и только опыт устранил несовершенные методы и даст возможность усовершенствовать прочие методы.

Все это при условии, что другие общественные группы не будут вмешиваться, при помощи власти, средствами контроля и принуждения. В последнем случае будут иметь место сопротивление и восстания, неизбежные спутники нынешних попыток контроля и принуждения. По этому поводу Малатеста писал:

«Непримиримо выступая против всякого принуждения и против капиталистической эксплуатации, мы должны быть терпимыми по отношению ко всем социальным воззрениям различных групп человечества, при условии, что они не будут причинять ущерба свободе и равным правам других групп. Мы должны довольствоваться постепенным прогрессом в той мере, в какой будет подниматься моральный уровень людей и будут расти материальные и интеллектуальные средства, которыми располагает человечество. При этом мы, разумеется, должны делать величайшие усилия, путем изучения действия и пропаганды, к тому, чтобы ускорить революцию в направлении ко все более высоким идеалам».

В статье 1910 г. Малатеста говорит также:

го дела впредь до того времени, пока эти группы не станут включать большинство населения. На следующий день после насильственной революции, если такая революция случится, задача, следовательно, будет состоять не в том, чтобы осуществить анархический коммунизм, а в том, чтобы подвигаться вперед в направлении к нему.

«2). Обращение масс в анархизм и коммунизм — и даже в самую умеренную форму социализма — не возможно до тех пор, пока нынешние политические и экономические условия продолжают существовать. А так как эти условия . . . увековечиваются с помощью грубой силы, то необходимо, чтобы они были изменены революционной работой сознательных меньшинств. Отсюда, если принять принцип, что анархия не осуществляется силой без сознательной воли масс, можно видеть, что революция не может быть осуществлена для немедленного и прямого установления анархии, а лишь для создания условий, которые сделают возможным быстрое развитие в направлении к анархии. . . »

Нуждается ли эта аргументация в дальнейших пояснениях? Мы явно представляем собой меньшинство. Наше желание таково: — не управлять, но и не быть управляемыми, а жить социально, не подвергаясь эксплуатации и никого не эксплуатируя, рядом с нашими братьями: это и есть анархия. Мы эмансипировались сами, поскольку могли, от склонности к власти, от веры в нее, которую столько могущественных факторов в прошлом и настоящем внедрили в каждое живое существо. Мы можем пропагандировать наши взгляды многими способами, но не может упустить из виду тот факт, что много миллионов людей, также интересующихся социальными вопросами, в силу атавизма пошли по широкому течению авторитарного социализма, а другие миллионы остаются рав-

альную революцию, чтобы дать народу глоток воздуха свободы, — а после этого они предполагают обратиться к народу (или принудить его: кто знает, как они это устроят?) с предложением остановиться, не идти дальше, а вступить «в переходный период». Этот период, таким образом, является чем-то вроде Чистилища. Пробыв в этом «промежуточном периоде» (как долго? в каких условиях? и т.д.), они будут считаться созревшими, или заслужившими того, чтобы когда-нибудь перед ними раскрылись врата рая и чтобы они приступили к осуществлению анархизма. Эта мысль представляется мне одним из самых слабых, узких и непрактичных социальных воззрений среди тех, которые теперь в моде. Она не может быть обоснована, как это пытались когда-то сделать на чем-либо, исходящем от таких людей, как Бакунин и Кропоткин. То, что писал Малатеста, — чего я не могу воспроизвести здесь полностью, — решительно опровергает ее. Но я приведу выдержку еще из другой его статьи «Еще о революции на практике»:

«1). Анархия не осуществляется силен (Малатеста хочет сказать: не навязывается силен). Анархический коммунизм, применяемый полностью и дающий наилучшие результаты, возможен лишь тогда, когда широкие массы народа, содержащие в себе все необходимые элементы для осуществления более высокой цивилизации, чем нынешняя, понимают и добиваются его. Можно представить себе группы, живущие друг с другом и с другими сходными группами в отношениях, созданных добровольной и свободной коммуной. Было бы хорошо, если бы такие группы существовали. Наша задача в том, чтобы создавать их для опытов и в качестве примеров, но эти группы не являлись бы еще коммунистическим анархическим обществом. В гораздо большей степени они были бы примерами самоотвержения и самопожертвования во имя велико-

«. . . Каждый раз, когда власть ослаблена, каждый раз, когда удается большую долю свободы завоевать, а не выпросить, — это является прогрессом в направлении к анархии. . . » «Каждая победа, как бы она ни была мала, рабочих над хозяевами, всякое усилие против эксплуатации, всякая доля богатства, отнятая у собственников и переданная в общее распоряжение, будут прогрессом, шагом по пути к анархии. . . »

Малатеста заканчивает статью указанием на анархию, как . . . «систему экспериментирования, перенесенную из области исследования в область социальных осуществлений». Это означает, что, подобно тому, как наука достигла такого огромного подлинного прогресса только с тех пор, как стала пользоваться методом опытов, так, поэтому, и практическая, справедливая, привлекательная форма социального общежития может быть результатом только свободной группировки и перегруппировки личностей и больших или малых социальных единиц, пользующихся свободой и имеющих возможность по-своему устраивать свою жизнь. Наука не могла прогрессировать до тех пор, пока была парализована властью, — властью религии, которая навязывала веру в семидневное сотворение мира и в неизменность видов, ибо Бог не мог якобы создать виды несовершенными и не сделать их неизменными. Наука была, кроме того, парализована авторитетом великих учителей и наставников вроде Аристотеля, а позднее, в XVII столетии, авторитетом таких людей, как Линней. Наука начала жить только тогда, когда подвижность, движение, развитие привиты были ей разумом свободных и смелых мыслителей. Точно таким же путем, влиянием таких же несвободных, неразвитых человеческих умов, политические и социальные системы получили неизменную форму, свыше освященную и постоянную, при чем оказывалось, что каждый поставлен на принадлежавшее

ему место божественной властью, или судьбою, или мудростью старых законодателей, или обычаями и установлениями, хотя держался он на своем месте только благодаря материальной силе, когда это соответствовало интересам тех, кто держал в своих руках власть.

Так наступило время, когда революции стали необходимыми для изменения этой принудительной неподвижности. Легче всего это было сделать путем политики и власти. Подобно тому, как иной возница, сменивший старого возницу, по-прежнему гонит и бьет ту же упряжку лошадей, так и смена правителей или смена их методов — вещь весьма простая, и как раз сюда относится французская народная поговорка: — чем больше все меняется, тем больше все остается по старому.

Лишь в конце XVIII века и в XIX веке в науке зародилось понимание того, что успехи научной мысли требуют полной свободы, ибо, если одна какая-нибудь догма была признана неудовлетворительной, то почему догма, занявшая ее место, должна рассматриваться, как неизменная и постоянная? Здесь человеческий разум пробудился, наконец, полностью. То же самое в значительной степени произошло и в области искусства, и, в более узком кругу, также и в области нравственности. Человеческий разум позднее всего и в наименьшей степени пробудился до сих пор в социальной области, ибо эта область тесно связана с жизнью людей, пользующихся удобствами, роскошью, высшим образованием, привилегиями и другими благами, которые владеющие классы все еще считают своим исключительным правом на вечные времена. Эти люди объявили свои права, освященными Господом Богом, но это не мешает им чрезвычайно заботиться об охране этих прав силами государства, проще говоря, полицейскою силою.

Это упорство в самозащите тех, кто пользуется моно-

польными правами и привилегиями, привело к тому, что мысль об отнятии у привилегированных их привилегий путем социальной революции, внезапно народилась и стала распространяться. Эта мысль о внезапном перевороте, о политической революции нашла себе сторонников также и среди тех, кто, подобно анархистам, понимает, что такая внезапная перемена не может автоматически заставить огромное число людей уверовать в идеи, которых они раньше не придерживались. Анархисты не имеют никаких возражений против внезапного переворота, ибо он устранил бы величайшие препятствия — государственную власть и власть монополизированного богатства. Однако, их собственная задача не достигается и не завершается таким переворотом, она только начинается по настоящему и лишь при лучших условиях, чем прежде. Авторитарные же социалисты считают, что такой переворот дает в руки одной части их — той, которая успевает перехитрить другие фракции и нанести им поражение, — неограниченную власть, подобную той, которую одна из таких фракций захватила в России в 1917 году и до сих пор удерживает. Упрочение такой власти является смертельной опасностью для социализма, ибо такая система является препятствием там, где возникает величайшая нужда в ничем не стесняемом движении вперед. Такая власть немедленно становится консервативным фактором и получает лишь вынужденную неохотную поддержку со стороны лишь части народа, а потому вынуждена бывает прибегать к принуждению и жестокости для поддержания своей внешней и показной устойчивости.

Именно это должно случаться каждый раз, когда будет наступать так называемый «переходный период», придуманный искренними, но близорукими анархистами. Они желают содействовать великому социальному перевороту, развязать соци-